

„ЖИЗНЬ СЕРДЦА”
Дух–душа–тело
и Я–Ты отношение
в русской литературе и культуре
XX–XXI веков

Редакция
Мария Цимборска-Лебода
Агнешка Гоздек
Регина Рыбицка
Йоанна Тарковска
Малгожата Уланэк

ROSSICA LUBLINENSIA VII

„ŻYCIE SERCA”
Duch–dusza–ciało
i relacja Ja–Ty
w literaturze i kulturze
rosyjskiej XX–XXI wieku

Redakcja

MARIA CYMBORSKA-LEBODA

AGNIESZKA GOZDEK

REGINA RYBICKA

JOANNA TARKOWSKA

MAŁGORZATA UŁANEK

Wydawnictwo
Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej
Lublin 2012

Дениз Атанасова-Соколова

Будапешт, Венгрия

Память эпистолярного жанра в *Переписке из двух углов* Вяч. Иванова и Михаила Гершензона

И те за Хлебом Жизни идут чредой одной;
И те, кто Чаши жаждут, другою стороной...

Вяч. Иванов, *Собаки*¹

В наше время уже вряд ли необходимо давать общую характеристику *Переписки из двух углов* Вяч. Иванова и М. Гершензона, этого драматичнейшего спора о путях и судьбах мировой культуры. Выяснению смысла как всего произведения, так и концептуализации позиции каждого из „совопросников” посвящено огромное количество исследований, однако, как отмечает Роберт Бёрд во вступлении к изданию *Переписки*, это „один из тех текстов, которые став хрестоматийными, так и не были прочитаны по-настоящему”². Причем „непрочитанность” относится Бёрдом в первую очередь к „фундаментальным вопросам истории и поэтики *Переписки*”. Принимая это общее положение американского исследователя, я хотела бы ограничить свои размышления о произведении рамками *поэтики жанра*, точнее тем, как реализуется в нем эпистолярное начало – „память жанра”.

¹ Вяч. И. Иванов, *Собрание сочинений в 4 томах*, т. 3, Брюссель 1979, *Свет вечерний*, V, с. 554. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте в скобках с указанием тома римской, страницы – арабской цифрой.

² Р. Бёрд, „*Переписка из двух углов*” как текст и действие, [в:] Вячеслав Иванов – Михаил Гершензон, *Переписка из двух углов*, Москва 2006, с. 172. В дальнейшем ссылки на книгу: Вячеслав Иванов – Михаил Гершензон, *Переписка из двух углов*, Москва 2006, даются с указанием страницы в скобках в тексте статьи. Текст самой *Переписки из двух углов* также дается по этому изданию, содержащему ряд текстологических уточнений по сравнению со ставшим классическим изданием ее [в:] Вяч. И. Иванов, *Собрание сочинений в 4 томах*, т. 3, Брюссель 1979, с. 383–415.

На первый взгляд, все просто. Уже заглавие однозначно предлагает „метаэквивалент” произведения, объединяя определение его жанровой природы (переписка) с одним из конститутивных признаков жанра – двойственность его локуса (из *двух* углов). Картина кажется еще более однозначной, если к этому добавить, что *Переписка* открывается предваряющей заметкой *От издательства*, написанной скорее всего одним из авторов (87), в которой сказано: „Письма эти, числом двенадцать, писаны летом 1920 года, когда оба друга жили вдвоем в одной комнате, в здравнице «для работников науки и литературы» в Москве”. Кажется бы, после этого нет и особого смысла доказывать очевидное – речь идет о произведении эпистолярного жанра. Но, просмотрев отзывы современников первых изданий (Петербург, 1921 и Берлин-Москва, 1922) и более поздние рефлексии, я убедилась, что эпистолярность произведения оказалась „забытой” и „сказалась” лишь на уровне жанрового „подсознания” современников, а отчасти и более поздних интерпретаторов. В многочисленных рецензиях³ 1921–1923 гг. можно встретить беглые замечания типа того, что *Переписка из двух углов* является „продуктом очень уединенного специфически-интеллигентского умонастроения и характера: люди разучились задушевно говорить, а могут только литературно, обобщенно писать (...) Это своеобразный человеческий документ запутавшейся духовной жизни наших дней”⁴. Определение „человеческий документ” можно встретить и у других рецензентов. В нем сквозит такое понимание писем, которое было зафиксировано уже первыми античными риториками: „В письме (...) проявляется человеческий характер”⁵. Этот беглый обзор первоначальной рецепции *Переписки* можно закончить иронически суммирующим ее вопросом Роберта Бёрда:

Сама ситуация подобной переписки вызывает у некоторых критиков недоумение и даже подозрение. Почему, действительно, друзья и соседи по комнате пишут друг другу витиеватые письма, отказываясь от непосредственного общения друг с другом? Не говорит ли это более о разладе коммуникации, о расстройстве человеческого общения, нежели о диалогичности создавшегося текста? (172–173)

³ Среди тех, кто отметил эпистолярную форму произведения: П. П[ильск]ий, Рец. на: М. О. Гершензон и В. И. Иванов, *Переписка из двух углов*, „Сегодня” 5 июля 1922, № 143, с. 5; И. Левитан, М. О. Гершензон и В. И. Иванов, *Переписка из двух углов*, Москва–Берлин, МСМХХII, „Новая русская книга” май 1922, № 5, с. 5–7; Б. Шлецер, *Русский спор о культуре. Вячеслав Иванов и М. О. Гершензон: Переписка из двух углов*, „Современные записки” XI (1922), с. 195–211.

⁴ Гизетт [А. А. Гизетти] Рец. на: Вяч. Иванов, М. О. Гершензон, *Переписка из двух углов*, „Вестник литературы” 1921, № 10 (34), Год III, с. 9.

⁵ См. § 227 трактата *О слоге* (ок. I в. н. э.), [в:] *Античные риторики*, Собр. текстов, комм. и общая ред. проф. А. А. Тахо-Годи, Москва 1978, с. 273. Подробнее: Д. Атанасова-Соколова, *Письмо как факт русской культуры XVIII–XIX века*, *Investigationes Russicae* II, Budapest 2006, с. 38–41.

Таким образом, эпистолярность оказывалась под подозрением или выносила за скобки осмысления произведения Вяч. Иванова и М. Гершензона. Попробуем выяснить, какие конститутивные признаки жанра письма определяют своеобразие *Переписки из двух углов* и насколько они релевантны с точки зрения ее смысла и значения.

Основным конститутивным признаком эпистолярности является ее двойственность, проявляющаяся практически на всех уровнях эпистолярного коммуникативного акта: на уровне стиля, ориентирующегося одновременно на устный и на книжный регистр языка, на уровне типа коммуникации (эксплицитно диалогический текст vs форма интроспекции, самоосмысления и перестройки самого Я), на уровне функционирования (принадлежность одновременно к „бытовому”, внекультурному и к литературному, культурно-значимому ряду) и т. д. Из многообразных проявлений эпистолярной интерперсональности, реализующихся в двойственности жанра письма, мне хотелось бы вкратце остановиться на двух.

В первую очередь обратим внимание на то, что обычно пространственно-временная двойственность письма „генетически закодирована” в нем таким образом, что каждое письмо в отдельности служит средством преодоления лакуны в общении Я и Ты, средством преодоления разъединенности – пространственной, временной или мировоззренческой, как в случае *Переписки из двух углов*. Этот „генетический код” откладывается как в исторически сложившихся формальных признаках жанра (датировки, указания на „здесь / сейчас” адресанта и на „там” адресата), так и в способе осмысления и описания мира. Главной особенностью пространственно-временных координат эпистолярности является, на мой взгляд, их дискретность. Минимум пространства, одновременно охватываемого и предполагаемого письмом – это „здесь” адресанта, „там” адресата и существующей между ними лакуны. Эпистолярное пространство может осложниться введением дополнительных локусов, существующих в памяти или в воображении корреспондентов. Но основной признак этой пространственности можно определить как отсутствие „континуума”. Такова, по сути дела, разворачиваемая всей *Перепиской* мифологема „двух углов” и связующей / разделяющей их диагонали.

Точно так же и эпистолярное время складывается из множества обособленных моментов. Среди них преобладает настоящее, совмещающее момент создания и прочтения текста, т. е. время самого эпистолярного „разговора”. Но это виртуальное „сейчас” может впитывать в себя и взгляд из настоящего в прошлое или будущее, из будущего в настоящее / прошлое или из прошлого в настоящее / будущее. Притом все эти моменты не выстраиваются в линейный ряд, а образуют сложную темпоральную сеть. Как мне кажется, именно эта особенность эпистолярности оказалась востребован-

ной в *Переписке из двух углов*, в которой в сиюминутности эпистолярного диалога сходятся историческая концепция культуры Вяч. Иванова, организованная концептом Памяти, и эсхатологическая концепция М. Гершензона с ее пафосом Забвения. Однако в *Переписке* наряду с концептуальным присутствует и чисто бытовое осмысление этого своеобразного переживания времени. Вспомним начало 4-го письма М. Гершензона:

Наша случайно начавшаяся переписка из угла в угол начинает меня занимать. Вы *помните*: в мое отсутствие вы написали мне первое письмо и, уходя, оставили его на моем столе; и я отвечал вам на него, когда вас не было дома. *Теперь* я пишу при вас, пока вы в тихом раздумьи силитесь мыслью разглядить жесткие вековые складки Дантовых терцин, чтобы затем, глядя на образец, лепить в русском стихе их подобие. Пишу, потому что так полнее *скажется*, так и раздельнее *воспримется* мысль, как звук среди тишины. *А после обеда* мы ляжем каждый на свою кровать, вы с листом, я с маленькой книжкой в кожаном переплете, и вы станете читать мне ваш перевод *Чистилища* – плод утреннего труда, а я буду сверять и спорить. И нынче снова, как в прежние дни, я упьюсь густым медом ваших стихов, но и снова испытаю знакомое щемящее чувство. (21; курсив мой – Д. А.-С.)

Пространственно-временной двойственностью эпистолярного жанра определяется и „устойчивая морфология” топосов и мотивов письма. Очень часто центральным является мотив досуга как идеального и реального хронотопа жизни частного человека. В это мотивное ядро входят „отказ от всех сует света”, уединение в скромное жилье, наслаждение чтением (с перечнем любимых авторов), творчеством. Сюда же относятся мотивы дороги, расставания, изгнания и т. д., не только являющиеся поводом для „отсутственного” эпистолярного разговора, но и обосновывающие его сущностный характер. Большинство этих мотивов мы без труда можем найти в *Переписке из двух углов*. Причем чаще всего эти мотивы присутствуют в тексте произведения одновременно как реалии и как символы. Таким является мотивный ряд „угол – комната в здравнице – обитель – общежитие”, в котором, например, обитель означает и Божий храм, и присутствие вселенского в человеке, а общежитие – Культуру в самом широком смысле слова. Аналогичным образом выстраивается и мотивный ряд пути как бегство, изгнания, паломничества, причем особенно интенсивно он тематизируется в финальных письмах, усиливая трагический пафос и открытость проблематики произведения.

Вторая особенность эпистолярности, на которой я хотела бы остановиться, состоит в том, что жанр письма является исконно интертекстуальной и одновременно метатекстуальной формой построения высказывания⁶. К первичной мета- и интертекстуальности письма относятся цитирование

⁶ Подробнее: И. А. Паперно, *Переписка как вид текста. Структура письма*, [в:] *Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам*, I (5), Тарту 1974, с. 214.

целых фраз и отсылки к предшествующим письмам или разговорам участников эпистолярного диалога, а также трафаретные комментарии и „автохарактеристики” самого эпистолярного текста, которые принадлежат к „общим местам”, к клише эпистолярной формы. Эта особенность эпистолярности восходит к двойственности установки, коренящейся в памяти жанра, на воспроизведение в письменной форме акта устного общения. Письмо и переписку можно рассматривать как письменный пандан устного диалога: „Каждая реплика (...) обладает специфической завершенностью, выражая некоторую позицию говорящего, на которую можно ответить, в отношении которой можно занять ответную позицию (...) В то же время реплики связаны друг с другом. (...)”⁷.

В *Переписке из двух углов*, как и в любом эпистолярном тексте, эта установка реализуется в рудиментах диалога, представленного, во-первых, обращением и подписью, т. е. сменой точек зрения в обрамлении письма. „В каждом отдельном письме звучат, диалогически соотнесенные, голоса обоих собеседников. (...) То, что было подписью в одном письме, в следующем, ответном, станет обращением”⁸. Однако этот элемент служит как средством создания целостности текста письменного „диалога”⁹, так одновременно и включает его в более широкий контекст общения двух авторов.

Первое письмо Вяч. Иванова задает в этом смысле тон для всего произведения – тон продолжения когда-то где-то начатого разговора с М. Гершензоном: „Знаю, дорогой друг мой и сосед по углу нашей общей комнаты, что вы усомнились в личном бессмертии и в личном Боге” (9). Заканчивается же это письмо предложением продолжить „разговор”: „Вот о чем, добрый сосед, думаю я про себя в своем углу, так как вы пожелали это знать. А Вы что скажете мне в ответ из другого угла того же квадрата?” (11). В своем ответе Гершензон не только вступает в спор и развивает свою точку зрения на заданную Вяч. Ивановым тему, но и дает подтверждение тому, что их переписка становится частью значительно более давнего и обширного разговора. Он отказывается „возноситься мыслью на высоты метафизики”, связывая „плавное парение” мыслей своего собеседника с „заоблачным зодчеством, которому так усердно предаются столь многие в нашем кругу” (13). И здесь, на примере мотива зодчества / зодчего, имеющего свою предысторию в общении двух авторов, можно показать, как транстекстуальность писем становится чуть ли не доминантным их признаком. Впервые этот мо-

⁷ М. М. Бахтин, *Проблема речевых жанров* (1952–1953), [в:] М. М. Бахтин, *Эстетика словесного творчества*, Москва 1979, с. 250.

⁸ И. А. Паперно, *Переписка как вид текста. Структура письма...*, с. 214.

⁹ Стоит отметить, что это единство формально закрепляется и непрерывностью нумерации писем I–XII, которая становится контрапунктом чередования субъектов высказываний.

тив возник у Вяч. Иванова в посвященном М. Гершензону стихотворении *Совесть* (1912), где есть строчка „Кто – геометр; кому – быть зодчим...”, где роль геометра отводится Гершензону, а зодчего – поэт оставляет за собой¹⁰. Отвечая на присылку стихотворения, Гершензон в письме (26 декабря 1912 года) с некоторой долей обиды принимал отведенную ему роль: „Сердечно благодарю Вас за милое стихотворение; чувствую весь яд стиха: *Кто геометр (...)*”. В третьем письме *Переписки* Вяч. Иванов вновь подхватывает этот мотив и не только оспаривает мнение о себе Гершензона, но как будто вступает в спор с самим собой из прошлого: „Я не зодчий систем, милый М.О. (...)” (15).

Диалогизм писем в дальнейшем проявляется в том, что почти каждое письмо пестрит фразами типа „Вы писали / говорите...” или автоцитатами, как, например: „повторяю, что писал Вам прошлый раз...” (письмо 6-ое Гершензона, 35). Вариантом этого может стать моделирование воображаемого диалога, который потом подвергается проверке в продолжении самой *Переписки*. Так, в начале 5-го письма Вяч. Иванов обыгрывает бытовую деталь, придавая ей метафорический смысл: „Дорогой друг мой, мы пребываем в одной культурной среде, как обитаем в одной комнате, где есть у каждого свой угол, но широкое окно одно, и одна дверь” (28). Чуть дальше он разворачивает ее в образ культуры-общejития:

И предносящийся вам образ обновленного общежития „без Муз и письмен”, как бы прелестителен он ни был – обманчивое сновидение и *décadence (...)* *Если бы вы сказали мне в ответ*, что, как бы то ни было, самый процесс нового делания культуры, начертания новых знаков на *tabula rasa* человеческой души обеспечивает человечеству на долгие времена обновленную свежесть творчества, непосредственность мироощущения, возврат молодости, – *одно мне оставалось бы: пожать плечами*, дивясь глубокому оптимизму вашего предлагаемого ответа (...) (32–33, курсив мой – Д. А.-С.)

Как видно из этой пространной цитаты, Вяч. Иванов разыгрывает воображаемый / предполагаемый диалог, причем он предстает как устный разговор, естественным элементом которого является одно из средств метакommunikации – наличие кинетического фактора („пожать плечами”). В конце же письма он дает новый вариант предугадываемой реплики: „Если же бы вы *ответили* мне, (...) то выразили бы этим (...)” (34, курсив мой – Д. А.-С.). На это следует действительный ответ-письмо Гершензона, ничем не подтверждающий предположения Вяч. Иванова.

¹⁰ Стихотворение вошло в цикл *Лепта* сборника Вяч. Иванова *Нежная тайна* (СПб, 1912). Подробнее: V. Proskurina, *Вячеслав Иванов и Михаил Гершензон*, „Cahiers du Monde Russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants”, Paris 1994, vol. 35, № 1–2, с. 377–392.

Хотя можно было бы привести еще немало аналогичных примеров, но и этого одного достаточно, чтобы показать, как *Переписка из двух углов* становится одновременно частью реального общения-диалога Вяч. Иванова и М. Гершензона и моделью этого диалога. Однако, если к этому добавить, что в том же 5-ом письме Вяч. Иванов устанавливает параллель между своим разговором с М. Гершензоном и „древним разговором, о котором повествует в *Тимее* Платон”, собеседниками в котором были Солон и египетский жрец, то произведение постепенно приобретает характер метатекста извечного спора культуры „без Муз и письмен” и культуры Памяти. Особенно значима в этом плане такая особенность эпистолярного жанра, как появляющаяся в определенные эпохи, когда письма становятся культурно-значимыми текстами, тенденция насыщения цитатами, раздвигающими смысловой горизонт эпистолярного диалога Я и Ты до симпозионального полилога¹¹, в котором звучат голоса людей разных эпох и культур. В *Переписке* эта тенденция особенно ярко реализуется в письмах Иванова. „*Переписка из двух углов* демонстрировала два типа литературной стратегии, отражающие общую дуальность текста. Первый – литературная стратегия Иванова – можно условно назвать *стратегией цитаты*, второй – гершензоновский – *стратегией метафоры*. (...) В этом плане текст мыслится Ивановым как присоединение к традиции (...). Сгущенности цитатного ряда Иванова, его культурному «присоединению» противостояло культурное «отпадение» Гершензона (или «бегство», по выражению Иванова). Выражением этого культурного «бегства» (...) стала замена цитаты на метафору”¹².

Примером интертекстуального „присоединения к традиции” может служить использование Вяч. Ивановым обращения „Милый мой совопросник” в финале 5-го письма (34). У слова „свопросник” есть специфический „ивановский” семантический ореол, возникающий впервые у него в послании 1908 года *Подстерегателю* (В. В. Хлебникову)¹³:

Нет, робкий мой подстерегатель,
Лазутчик милый! я не бес,
Не искуситель, – испытатель,
Оселок, циркуль, лот, отвес.

¹¹ О симпозиональном слове в русской культуре см. подробнее: А. Шишкин, *К литературной истории русского симпозиона*, [в:] *Русские пиры*, Санкт-Петербург 1998, с. 5–38, а также: А. Шишкин, *Вступительная статья к письмам В. И. Иванову и Л. Д. Зиновьевой-Аннибал Н. А. и Л. Ю. Бердяевых*, [в:] *Вячеслав Иванов: Материалы и исследования*, Москва 1996, с. 119–131.

¹² В. Проскурина, „*Переписка из двух углов*”: символика цитаты и структура текста, [в:] *Лотмановский сборник 2*, Москва 1997, с. 685–686. Курсив автора статьи.

¹³ Вяч. И. Иванов, *Собрание сочинений в 4 томах*, т. 2, *Cor Ardens*, Книга вторая, *Speculum speculorum*, *Пристрастия*, Брюссель 1974, с. 340.

Измерить верно, взвесить право
Хочу сердца – и в вязкий взор
Я погружаю взор, лукаво
Стеля, как невод, разговор.
И, совопросник, соглядаатай,
Ловец, промысливший улов,
Чрез миг – я целиной богатой,
Оратай, провожу волов:
Дабы в душе чужой, как в нови,
Живую врезав борозду,
Из ясных звезд моей Любви
Посеять семенем – звезду.

Лирическое Я, адресант этого послания, предстает в двух ипостасях. С одной стороны, „беса”, „искусителя”, каким он представляется, по видимому, адресату послания, а с другой – „испытателем, совопросником, соглядаатаем, ловцом”, как он характеризует самого себя. Правда, он как будто и не отрицает некоторого бесовского лукавства своей речи, но за шутливо-ироническим автопортретом лирического Я, постепенно усиливаясь, сквозит Новозаветная символика пророчества, которая в последней строфе превращается в гимническое переложение притчи о сеятеле из Евангелия от Матфея (13: 3–8)¹⁴.

Знаменательно, что в письмах Гершензона речь Вяч. Иванова не раз характеризуется именно как искус. В начале 6-го письма, вооружившись крыловской иронией, Гершензон пытается защититься от ивановского искусства: „Соседушка, мой свет! Напрасно маните вы меня ласковыми увещаниями покинуть мой угол (...)” (35). А в 8-ом письме он пишет: „Вы сирена, мой друг, – ваше вчерашнее письмо обольстительно. Мне казалось – сама культура, олицетворившись, лукаво прельщает меня своим богатством и с любовью остерегает от разрыва с нею” (46). Итак, начав поиском значений слова „совопросник”, мы нашли еще один из предтекстов *Переписки из двух углов*. Причем и здесь, как и в случае со словом „зодчий”, происходит некоторый сдвиг смысла. В данном случае это перенос слова, обозначающего Я в послание, на Ты письма, ведь в *Переписке* название перенаправлено адресату-Гершензону. Однако, семантический ореол слова „совопросник” этим не исчерпывается.

Это исключительно редкое в русском языке слово восходит через церковнославянский перевод к не менее редкому в греческом литературном

¹⁴ Стоит отметить, что в своем стихотворении Вяч. Иванов, скорее всего, учитывает в качестве предтекста и стихотворение А. С. Пушкина *Свободы сеятель пустынный...* (1824). Именно к нему, кажется, восходит мотив звезды, у Пушкина являющейся ситуативным синонимом солнца из притчи. У Вяч. Иванова этот же мотив становится символом самого сеятеля. Христовой Любви.

контексте слову σοφιστήτης, встречающемуся лишь в Первом Послании к Коринфянам Святого Апостола Павла (1: 20)¹⁵:

19. Ибо написано: погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну. 20. Где мудрец? Где книжник? Где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? 21. Ибо когда мир *своею* мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих.¹⁶

В некоторых комментариях к Новому Завету¹⁷ указывается, что у Апостола Павла оно приобретает этимологически ему не присущий негативный оттенок. Из контекста становится понятно, что будучи поставленным в один ряд с мудрецом-иудеем и книжником-эллином, „свопросник” является человеком, вступающим в спор с Истиной Христа, тем более, что слово входит в фразу „свопросник века сего”, понимаемого Апостолом в эсхатологическом плане.

Этот небольшой теологический экскурс был необходим, чтобы дать почувствовать двойственную тональность использования слова Вяч. Ивановым в качестве обращения к Гершензону. С одной стороны, оно оказывается несколько ироническим названием того, кто не хочет и не может принять возвещаемую им истину о культуре как восхождению. С другой – ирония смягчается как тем, что Вяч. Иванов и самого себя сознает „свопросником века сего”, так и тем, что он применяет к Гершензону паулинское, апостольски-авторитетное слово.

Именно здесь, как мне кажется, пора вспомнить предваряющую основной текст заметку *От издательства*, в которой акцентировалось, что *Переписку из двух углов* составляют 12 писем („Письма эти, числом двенадцать (...), 7). Есть достаточно оснований считать, что количество писем было определено инициатором переписки, Вяч. Ивановым¹⁸. В начале 20-х годов число 12 оказалось особо значимым для него. „Двенадцать” – это и „ужас”, пережитый Вяч. Ивановым, по свидетельству О. Дешарт, при чтении поэмы А. Блока *Двенадцать*¹⁹, и его собственное новое ощущение времени и пространства, воплощенное в 12 сонетах цикла *Зимние сонеты*, которые

¹⁵ Правда, существует еще один источник – *Послание к Ефессянам* Св. Игнатия Антиохийского. По всей вероятности, там оно является переложением слов Апостола Павла: „Мой дух – в прах пред крестом, который для неверующих соблазн, а для нас спасение и вечная жизнь. Где мудрец, где совопросник, где хвастовство так называемых разумных? (...)” (Гл. 13), [в:] *Ранние Отцы Церкви. Антология*, Брюссель 1998, с. 101–110.

¹⁶ Цитируется по Синодальному переводу Библии, <http://www.bible-center.ru/bibleface>.

¹⁷ Gordon D. Fee, *The First Epistle to the Corinthians*, New International Commentary on the New Testament Wm. B. Eerdmans Publishing, Michigan 1987, p. 71.

¹⁸ Подробнее: В. Проскурина, „*Переписка из двух углов*”: *символика цитаты и структура текста*. . . , с. 675–676.

¹⁹ Вяч. И. Иванов, *Собрание сочинений в 4 томах*, т. 2, Брюссель 1971, с. 732.

„звучат контрапунктом к двенадцати главам поэмы Блока и напоминают о Рождестве, о двенадцати апостолах (...)“²⁰. Так как в обоих случаях число 12 оказывается связанным с числом апостолов, эта связь не исключена и в случае *Переписки из двух углов*.

В качестве аргумента можно привести еще два соображения. Во-первых, не удивительно, что произведение эпистолярной формы становится вопрошением „како веруешь“ о веке и культуре двух истоиво переживающих свой век „совпросников“, их проповедью-исповедью, если не забывать, что в греческом языке слова *апостол* и *эпистола* восходят к одному и тому же глаголу *στέλλω* (ставить, снаряжать; посылать). Наверное, не случайно, что кроме „совпросника“, этой прямой отсылки к Посланию к Коринфянам, послания Апостола Павла составляют постоянный предтекст эпистолярных реплик Вяч. Иванова. Во-вторых, то, что *Переписка из двух углов* состоит из дважды шести писем также придает ей своеобразные „апостольские“ коннотации. Вспомним один из православных иконографических типов изображения двенадцати апостолов, иконы т. наз. „причащения апостолов“ (Евхаристия), на которых, с одной стороны, Христос предлагает освященный хлеб группе из шести апостолов во главе с Петром, с другой – он же подаёт освящённое вино другим шести апостолам во главе с Павлом. Именно этот мотив воспроизведен Вяч. Ивановым в стихотворении *Собаки*²¹, стихи из которого я взяла в качестве эпиграфа.

Другим примером цитатности, создающей одновременно как диалогическое единство текста *Переписки из двух углов*, так и ее включение в более широкий культурный контекст, может служить мотив сердца. У М. Гершензона „сердце“ или бьется в тисках широко употребительных метафор („Бедное сердце, как мать (...)“, „Приходит Лютер с горячим сердцем (...)“ в 8-ом письме, 52), или лишь включается в мотивный ряд пространственно описывая духовную цельность личности его корреспондента: „Вы, мой друг, – в родном краю; ваше сердце здесь же, где ваш дом, ваше небо – над этой землей“ (в 12-ом письме, 83). В противоположность этому, мотив сердца значительно более ярко выражен у Вяч. Иванова, чему, пожалуй, и нельзя удивляться, учитывая, какое место занимает сердце в его системе символов и, в частности, как символ сердца „структурирует“ его книгу *Cor Ardens* (1911)²². В 9-ом письме, подхватывая метафорическое сравнение Гершензо-

²⁰ Подробнее: П. Дэвидсон, „Зимние сонеты“ Вячеслава Иванова, [в:] Вячеслав Иванов: *Материалы и исследования*, Москва 1996, с. 209–231.

²¹ На то, что этот мотив использован Вяч. Ивановым (без названия конкретного стихотворения) было указано С. С. Аверинцевым в статье *Двенадцать апостолов*, [в:] *Мицры народов мира*, в 2-х т., т. 1, Москва 1980, с. 357.

²² Символ сердца у Вяч. Иванова исследован достаточно подробно, в первую очередь, в работе: А. Б. Шишкин, „Пламенеющее сердце“ в поэзии Вяч. Иванова. К теме „Иванов

на из 8-го письма, Вяч. Иванов разворачивает его в символ ведения-видения умирающей-воскресающей культуры-ценности:

Мария перед крестом – вот символ *сердца* перед великою правдой вселенской ценности. Должно ценности быть распятой, и положенной во гроб, и заваленной камнем, и запечатанной печатями: *сердце* увидит ее воскресшей в третий день (66).

Куда более значим мотив сердца, появляющийся в 3-ом письме и корреспондирующий с подведением итогов в 11-ом, последнем, ивановском письме. В обоих случаях претекстом является стихотворение Ф. И. Тютчева *Silentium!* (1830), точнее строка „Как сердцу высказать себя?“. В 3-ем письме появляется перифраза тютчевского утверждения („Я не зодчий систем, милый М. О., но не принадлежу и тем запуганным, которые *все изреченное мнят ложью.*“) (15), становящееся исходной точкой для скрытого пока спора – через голову Гершензона – с Тютчевым и одновременно очередным обоснованием правомерности начатого диалога-переписки и возможности „высказать себя“:

Есть внутреннему опыту словесное знаменование, и он ищет его, и без него тоскует, ибо *от избытка сердца глаголят уста*. Ничем лучшим не могут одарить²³ друг друга люди, чем уверяющим исповеданием своих хотя бы только предчувствий или начатков высшего, духовнейшего сознания (15).

В 11-ом же письме мотив сердца возникает в двух ипостасях – как прямая цитата из стихотворения Тютчева, синонимичная разъединенности двух корреспондентов „по своим углам“, и как символ единства и целостности, „серединности“ человеческого существования:

Не разойтись ли нам по своим углам и не затихнуть ли каждому на своей койке? «Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя? Поймет ли он, чем ты живешь? Мысль изреченная есть ложь». Я не люблю злоупотреблять этим грустным признанием Тютчева; мне хочется думать, что в нем запечатлелась не вечная правда, а основная ложь нашей расчлененной и разбросанной культурной эпохи, бессильной родить соборное сознание, эпохи, осуществляющей предпоследние выводы исконного греха «индивидуации», которыми отравлена вся историческая жизнь человечества – вся культура. (...) Но жажда единения не должна все же соблазнять нас к уступчивости и соглашательству (...). В глубине глубин, нам не достигаемой, все мы – *одна система вселенского кровообращения, питающая единое всечеловеческое сердце* (73–74).

и Данте”, [в:] Вячеслав Иванов. *Материалы и исследования*, с. 333–352. Здесь я ограничиваюсь размышлениями лишь о его функции в *Переписке из двух углов*. Пользуюсь случаем выразить благодарность Андрею Борисовичу Шишкину за предоставленную мне возможность пользоваться закрытыми материалами сайта Исследовательского центра Вячеслава Иванова в Риме.

²³ Само собой напрашивается сопоставление формулировки Вяч. Иванова с определением, данным в цитированном выше трактате *О слоге*: „224. (...) письмо (...) бывает послано как некий подарок“. См. [в:] *Античные риторики*, собр. текстов, комм. и общая ред. проф. А. А. Тахо-Годи, Москва 1978, с. 273.

Таким образом, даже в случае мотива сердца, занимающего сравнительно мало акцентированное место в системе мотивов и символов *Переписки из двух углов* Вяч. Иванова и М. Гершензона, можно установить уже намеченную выше тенденцию – подчинить любой и каждый элемент текста диалогической природе эпистолярного высказывания. Это подтверждает, на мой взгляд, предположение, что эпистолярность произведения является сознательно выбранной формой, в которой, говоря словами Мартина Бубера, „все, от тривиальных мистерий повседневности до величия разрушающей судьбы, было подчинено диалогической власти подлинной жизни”²⁴. Она и по сей день окликает каждого из нас и ждет нашей ответственности.

Summary

The “Memory” of the Genre of the Epistle in V. I. Ivanov’s and M. O. Gershenzon’s *Correspondence between Two Corners*

This article is about the nature of the genre of V. I. Ivanov’s and M. O. Gershenzon’s *Correspondence between Two Corners*. The author of the study underlines those elements of Epistolarity which are clearly expressed in the *Correspondence* by the ambivalence of the chronotope and the intertextuality of motifs, especially those which are related to V. I. Ivanov’s and M. O. Gershenzon’s concepts of culture. For example, the motif of the architect goes back to V. I. Ivanov’s early poem dedicated to M. O. Gershenzon, *Conscience*. “Sovoprosnik” (disputer) is a particularly significant motif exemplifying, among others, a parallel to St. Paul’s *First Epistle to the Corinthians*. The author also examines the motif of the heart.

Having summarized her points, the author is led to the conclusion that as a form of communication, correspondence was deliberately chosen by Russian authors to express their dialogic understanding of culture.

---

²⁴ М. Бубер, *Диалог*, [в:] М. Бубер, *Два образа веры*, Москва 1995, с. 124.